

(Эфир "Радио России" 11 июля 1999 г.)

ВЕДУЩАЯ: У микрофона Татьяна Касаткина. Здравствуйте! Тема нашей сегодняшней передачи - "Заложники".

На войне, к сожалению, неизбежна гибель или пленение солдат. Однако ужасно, что в последние годы обычной практикой становится захват и пленение мирного гражданского населения, в том числе, женщин и детей. Особенно это распространено сейчас на Кавказе и в Закавказье.

Практика взятия заложников имеет давнюю историю. В заложники брали и в древности, и в средние века. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона давал такое определение: "Заложник - человек, взятый в качестве залога для обеспечения договора". В случае, если одна из сторон договор не выполняла, то другая сторона убивала находящегося у него заложника. В частности, такая практика была распространена на Кавказе и в Закавказье. Такое заложничество широко использовала и администрация Российской империи в период Кавказской войны в XIX веке. Так известный генерал Ермолов, обращаясь с ультиматумом к чеченцам, живущим в долине перед Терекком, писал: "В случае воровства на линии селение обязано выдать вора. Если скроется вор, то выдать его семейство. Если не будут выданы родственники, аулы ваши будут разрушены, семейство распродано в горы, аманаты, то есть заложники, повешены". Таким образом, те, кто считал, что несут цивилизацию, действовали самым диким, варварским образом. В своей политике Ермолов широко использовал практику взятия в заложники детей. Пушкин в "Путешествии в Арзрум" писал: "В крепости я видел черкесов-аманатов, резвых и красивых мальчиков, они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении, они ходят в лохмотьях, полунагие, в отвратительной нечистоте, на иных - деревянные колодки".

Горцы также часто похищали русских офицеров и чиновников с целью получения выкупа. А ныне эта дикая практика возродилась.

Теперь речь уже идет не о взятии заложников для обеспечения выполнения договора. Сейчас на Кавказе и в Закавказье заложниками называют захваченных мирных граждан с целью получения за них выкупа, обмена их на пленных или таких же заложников. Захват мирных граждан стал выгодным бизнесом.

Еще до чеченской войны, осенью 1994 года, офицер объединенной следственной группы в зоне ингушско-осетинского конфликта, полковник МВД Юрий Никитин в интервью газете "Труд" отмечал, что нередко преступные группировки включают в себя людей разных национальностей. Преступники никакой неприязни по национальному признаку друг к другу не испытывают, их связи намного эффективнее, чем у государственных структур. И вот, по прошествии 5 лет на Северном Кавказе действуют разветвленные преступные организации, состоящие из представителей разной национальности, специализирующиеся на похищениях людей. Печально и то, что подчас захват заложников и их содержание в неволе осуществляется при прямом участии государственных структур. Об этом говорили на прошедшей недавно

Межрегиональной конференции "Проблемы похищения, заложничества, продажи людей и перспективы правозащитной деятельности" в Кабардино-Балкарском Государственном Университете в городе Нальчике. Конференция проводилась под патронажем МВД Российской Федерации, Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, президента Кабардино-Балкарской Республики. Конференция осуществлялась в рамках пилотного проекта "Культура мира в России. Год 2000". В ее работе принимали участие: правоцентристская коалиция "Правое дело", миротворческая миссия на Северном Кавказе, Правозащитный центр "Мемориал" и Международная кафедра ЮНЕСКО, название которой - "Образование и воспитание в духе культуры мира и права человека", при Кабардино-Балкарском Государственном Университете.

Анализ уголовной статистики за последние 4 года свидетельствует о росте количества преступлений, связанных с похищением людей. Если в 1995 году было зарегистрировано 272 случая, в 1996 году - 338, в 1997 - 1140, то в 1998 году - уже 1415. В истекшем году правоохранными органами раскрыто 853 факта похищения. По статье 127 Уголовного кодекса Российской Федерации "Незаконное лишение свободы" выявлено 1008 преступлений, раскрыто 889, по фактам захвата заложников (статья 206 Уголовного кодекса) выявлено - 69, раскрыто - 53. За 5 месяцев текущего года на территории России без учета Северо-Кавказского региона зарегистрировано 570 преступлений, больше, чем за весь 1996 год: 462 - с незаконным лишением свободы и 30 - с захватом заложников. Такова официальная статистика, представленная на конференции **Михилом Сунцовым, начальником Этнического отдела Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД Российской Федерации.**

Михаил Александрович, Вы занимаетесь проблемой заложничества; почему сейчас у нас это одна из самых острых проблем?

СУНЦОВ: В последнее время похищение людей и захват заложников - это достаточно актуальные виды преступления, которым органы МВД и правопорядка придают особое значение. Развитие данной ситуации, то есть роста такого рода преступлений, произошло в конце 80-х, начале 90-х годов. Похищение людей, мы считаем, выросло из квалифицированного вымогательства имущества, денежных средств. Когда-то раньше была статья о вымогательстве. Тогда не использовались определенные экстремистские методы получения денег. Но когда поняли, что похищение людей – это более эффективное средство, как возможность нажима на родственников, на близких и знакомых, даже на какие-то организации, средство с целью понуждения исполнения определенных действий, - то, к сожалению, был отмечен рост совершения такого рода преступлений в Российской Федерации. В основном, конечно, мы сталкивались с этим в Москве, а потом уже эти преступления распространились по разным регионам России. Есть, например, группа организованная, участники которой совершают похищения именно с целью вымогательства денег.

Северный Кавказ - это отдельная тема. Явно видно, что похищение людей на Северном Кавказе, захват заложников осуществляется на фоне последствий вооруженного конфликта в Чеченской Республике. До этого в регионе были отдельные случаи, но они как бы не выделялись из палитры всего российского пространства. Сейчас эти процессы трансформировались. Рост наблюдается почти на 37%, хотя раскрываемость увеличилась на 200 с лишним процентов данной категории дел. То есть мы научились бороться с этими преступлениями.

Проблема на сегодняшний день состоит в том, что если раньше были отмечены похищения на самой территории Чеченской Республики, и какие-то все-таки меры там предпринимались, то после того, как закончились военные действия и произошли изменения внутреннего политического статуса Чечни, она стала выстраивать забор с внешней территории. А это преступление, связанное с похищением людей, распространилось за пределы административной границы. И мы сейчас четко обозначаем ряд таких регионов Северного Кавказа, которые по похищению людей стоят на первом месте. Это - Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия. Однако в этих республиках еще есть и определенные районы, наиболее пораженные. В основном, это приграничная зона.

Административная граница - не государственная граница, это не укрепленный район. Только в последнее время в районе Ставропольского края, в Курском районе, после серии набегов с убийствами сотрудников милиции, работавших в мобильных отрядах, что-то наконец стали делать. Но поставить на каждом метре солдата или милиционера невозможно. Сказывается, к сожалению, и высокая степень коррумпированности самих сотрудников, которые несут охрану. Ведь всех заложников провозили либо окольными дорогами, где все равно преступники когда-либо должны были попасться мобильным группам, обеспечивающим безопасность, либо через сами посты за определенную плату. Это нам доподлинно известно. Фактически, похищение людей - это сейчас бизнес. На территориях до административной границы сформировались преступные группы, которые совершают первую часть операции - похищение, потом перепродают на территории Чечни, где уже цена возрастает в десятки раз. Таким образом, на территории Чечни подобный бизнес становится главным как раз для бандформирований. И тому есть причины: разрушенная экономика - на 85% производство не работает, и, кроме того, военизированное население, до зубов вооруженное. Вот поэтому похищение людей стало профессиональным бизнесом.

ВЕДУЩАЯ: Как бороться-то с этим явлением?

СУНЦОВ: Я могу сказать так, что правоохранительные органы максимально стали перестраивать внутреннюю работу. Мы организовали несколько систем в МВД по предотвращению таких фактов. Первое, к чему, к сожалению, пришлось прибегнуть - мы рекомендовали представителям государств и посольств ограничить въезд сюда, чтобы меньше было потенциальной возможности красть приезжих людей. Хотя, в принципе, это искусственно все.

Второе. Это перестройка произошла в МВД, в структуре Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Было создано подразделение в Москве, сориентированное на Северо-Кавказский регион, и одно из направлений - похищение людей и захват заложников. Прямым соподчиненным подразделением Главного управления в Москве является структура Северо-Кавказского направления по борьбе с оргпреступностью. При данной структуре создали специализированное Управление по борьбе с похищением людей со структурными подразделениями во всех республиках.

Сейчас в рамках эксперимента Управление по борьбе с организованной преступностью, территориальное, в субъектах Северо-Кавказского региона, выведено из подчинения МВД УВД. То есть это первый шаг к созданию федеральной структуры. Такой же эксперимент идет в Уральском и Западно-Сибирском регионах. Вертикальная соподчиненность по данной линии дает нам возможность, когда информация проходит, максимально быстро реагировать на похищения, то есть работать по горячим следам и соответственно с профессиональным подходом к этому делу.

Мы все-таки надеемся на то, что правоохранительные органы в Чечне быстрее поднимутся из разрухи и начнут работать. Пока они там не наведут порядок, мы отсюда, с внешней стороны, не сможем противостоять тому, что там есть. В настоящее время МВД укрепляет административные границы. Вы знаете, что сокращено количество пропускных пунктов: от 64 до 10. Мы надеемся, что это в определенной степени сузит те дырки, по которым уходят туда люди, когда похищают. На наш взгляд, пока еще слабо поставлена работа в Ингушетии. Это одна из крупных дыр, где совершаются похищения людей в самой Ингушетии с последующим перевозом их в Чечню. В начале года мы предложили так называемую трехуровневую систему взаимодействия органов правопорядка в регионе по борьбе с похищением людей.

Первый уровень - это межреспубликанский, то есть региональный. Это когда главы подразделений должны периодически выстраивать работу в масштабах Северо-Кавказского региона. Второй уровень - межрайонный, городской. Третий уровень - это работа в самих следственных оперативных группах. Опять же под эгидой прокуратуры, поскольку данный вид преступления является подследственностью прокурорских подразделений. Поэтому мы очень тесно работаем в контакте с Главным управлением Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе. Определенные успехи есть. Вот за 5 месяцев подразделениями службы по оргпреступности задержано 34 организованные группы, которые занимались в Северо-Кавказских республиках похищением людей, захватом заложников. Это и много, и одновременно мало. Мы наращиваем вот эту систему противодействия. Хотя, в принципе, есть ряд и негативных фактов.

Не надеясь на быструю помощь правоохранительных органов, что в принципе, здесь быстро и не бывает, разные организации и частные лица иногда все-таки продолжают платить деньги за своих похищенных сотрудников и

родственников. Тут просматриваются два момента. С точки зрения родственников, это единственный выход. С точки зрения борьбы с таким проявлением, как похищение людей, это называется - пойти на уступку террористам. В последнем законе, принятом буквально недавно, законе о терроризме, к преступлениям террористического характера как раз и относятся похищение людей и захват заложников.

На территории Чечни действует более 60 бандформирований, уже установленных. Чечню они поделили на зоны влияния. Это мы четко можем сказать. Например, о зоне влияния Хаттаба. Он традиционно находится в Сержень-Юрте, а это влияет на те процессы, которые связаны с похищением людей в Западном Дагестане.

ВЕДУЩАЯ: Все-таки у Вас какая-то надежда есть, что этот процесс можно прекратить?

СУНЦОВ: Пока процесс прекратить нельзя теми силами и средствами, которыми мы работаем, хотя вроде бы система и выстроена. Я думаю, что мы максимально, на правительственном уровне должны решить вопрос, в каком же статусе и правовом поле должна находиться Чеченская Республика, надо ли помогать и надо все-таки максимально определиться: кому мы помогаем. Президент, законно избранный, с точки зрения влияния на ситуацию, получается там формальный. Система правопорядка развалена до такой степени оттого, что там работает половина бандитов. То есть они сами воспроизводят эти преступления. Мы четко знаем о том, что без участия правоохранительных органов там тоже не бывает "громких" похищений.

ВЕДУЩАЯ: Михаил Александрович, вы сказали, что наши органы правопорядка тоже участвуют в похищении людей и способствуют этому. А кто-нибудь понес ответственность? Прошли какие-то имена... Люди понесли за это наказание?

СУНЦОВ: Я могу сказать, что буквально недавно в Ингушетии нашим подразделением задержан один из участников серийных похищений, некий такой Арсамахов. В настоящее время с ним ведутся работы, он подозревается в организации ряда похищений и в Ставропольском крае, и в Ингушетии. И параллельно задержан один из сотрудников милиции, который оказывал, правда, другой преступной группе содействие, аналогичную поддержку. Именно в этом направлении сейчас будет проводиться активная работа, потому что мы чувствуем, что появилась дыра, которую мы никак не можем заштопать. А дыра, понятно, какая... Ведь в организации похищения людей участвуют сотрудники низших звеньев, которые проводят через посты и не проверяют документы, то есть тем самым создают элементарную и нужную преступникам систему: украсть-то они могут и сами, а вот проехать мимо или выехать они не могут. Плюс, конечно, если сотрудники оказывают еще и консультативную помощь - это в два раза хуже, потому что они знают тактику наших оперативно-розыскных мероприятий. Да, такие сотрудники есть, и мы тоже знаем об этом.

Поэтому мы взяли сейчас два направления: борьба с бандформированиями и противодействие тем бандформированиям, которые внезапно проникают на территорию с чеченской стороны, уничтожение их. Плюс, конечно, разбираться надо в своей системе. Но, на мой взгляд, нужно еще плотнее выстраивать взаимодействие между МВД Чечни и МВД России.

ВЕДУЩАЯ: Тему продолжает Сергей Попов, заведующий отделом по делам национальностей правительства Ставропольского края, президент Ассоциации конфликтологов Ставропольского края, бывший заместитель руководителя рабочей группы при Президенте РФ по розыску без вести пропавших и освобождению насильственно удерживаемых лиц.

Что сейчас способствует тому, что заложников становится больше и больше? И как можно избежать этого?

ПОПОВ: Слабая государственность Российской Федерации. Не количество силовых структур и финансовое обеспечение, а слабая государственность. Это не одно и то же. Вот причина сейчас этой проблемы заложничества, которая разрастается как снежный ком. Понижение иммунитета у общества. Конфликтологией называется онемение сострадания. То есть люди возмущаются повышением цен, введением новых налогов, приведением кассовых аппаратов, предприниматели выходят на массовые акции протеста. А сообщения о захвате заложников, об убийствах на границе уже не вызывают ответ общества. Вот это самое тревожное, что сейчас, в данный момент существует. Ведь с заложничеством нужно бороться на едином дыхании государственных структур и общественного мнения, причем очень жесткого общественного мнения по этому поводу.

Если дело касается заложничества, связанного с захватом в Чеченской Республике, разрешать надо эти болезненные проблемы Чеченской Республики на государственном уровне со всей сложностью того клубка, который сейчас образовался. К сожалению, это сейчас не делается.

ВЕДУЩАЯ: А пока солдатские матери сами ищут пропавших сыновей.

ПЕРЕПЕЛКИНА: Он пропал 10 августа 1996 года в центре Грозного во время последнего штурма. Никаких достоверных сведений я о нем не имею, хоть, собственно, прошла, наверное, все инстанции, мне известные, мыслимые и немыслимые. Несколько раз я была в Чечне, в Москве много раз была, во всех кабинетах власти побывала, в тех, о которых раньше и представления не имела, честно говоря. Я такая простая мать, старая мать... Таких матерей мало, как я. Мне уже 67 лет. Мальчик пошел со 2-го курса университета, я сама вузовский преподаватель. Я узнала, что он мог не пойти в армию. Но случилось так, что пошел...

ВЕДУЩАЯ: В каких войсках Ваш сын служил? Где он был призван в армию?

ПЕРЕПЕЛКИНА: Он был артиллерист, 204 полк, 205 бригада, знаменитая.

ВЕДУЩАЯ: У вас остается надежда, что он жив?

ПЕРЕПЕЛКИНА: Я точно ничего не могу сказать и знать. Дело в том, что когда ходишь по развалинам Чечни, по селам, по Грозному, все равно какие-то отголоски старых событий находишь. И нашла я людей, которые сказали, что мой мальчик жив. Но где? Что с ним? Никто мне сказать не может, может быть, не хочет, может быть, не может. Не знаю. И ничего достоверного я о нем до сих пор не знаю.

ВЕДУЩАЯ: Это была Перепелкина Римма Петровна из города Курган. Может, кто-нибудь знает что-то о судьбе ее сына?

К нам, на конференцию, пришла приятная весть - освобожден один из заложников. Я говорю с **председателем Комитета солдатских матерей из города Екатеринбурга Диной Салохиной.**

Сейчас освобожден очередной заложник. Много их было у вас в Екатеринбурге?

САЛОХИНА: Вообще, наша область одна из самых неблагополучных областей по количеству участников чеченской войны - более 12 тысяч, по количеству погибших - более 200 и по количеству без вести пропавших по области на сегодняшний день числится 21 человек. И вот эти мальчишки, которые сейчас находятся в заложниках, - они захвачены были уже после боевых действий. Я думаю, может быть, командиры отправили их куда-то, а там их просто захватили.

ВЕДУЩАЯ: Это уже после окончания войны?

САЛОХИНА: Да, это после окончания войны. Вы знаете, но сам факт освобождения!.. Мне трудно говорить, потому что это и радость, как материнская, ведь все это я воспринимаю для себя очень близко: и как мать, и как председатель комитета. Я уже не первого пленного везу и не первой семье помогаю. И такое чувство! Трудно даже представить и передать, как мать встретит и узнает своего сына. А сейчас она знает, что он находится в заложниках и не предполагает, что она буквально через несколько дней его увидит. А, возможно, и завтра.

ВЕДУЩАЯ: А сколько еще людей находится в заложниках... Так хочется надеяться, что все они окажутся на свободе.

Наша передача закончена. Всего Вам доброго! До новых встреч!